

Обзоры рецензии

УДК 94(470.313):316.728:930(045)

О.Д. Попова

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УСТНОЙ ИСТОРИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ)

В статье рассматривается потенциал использования устной истории в исследовании проблем повседневности. Проблема исследуется на примере книги рязанских ученых, в которой были собраны воспоминания жителей Рязани. Специфика сбора таких мемуаров – привязка к определенным адресам домов исторического центра города. В статье показано, что хронологические рамки устных историй довольно ограничены: 40–60 лет вглубь. Однако этот сбор сведений имеет определенное преимущество, поскольку позволяет зафиксировать информацию, которая не встречается в формальных документах. Анализ текста представленных воспоминаний позволил выделить основные темы, которые традиционны для таких устных историй: особенности быта, социальные практики и репрезентация детства. В статье рассмотрены проблемы анализа получаемых сведений, методика проверки достоверности данных. Автор показывает, что использование документов горисполкома позволяет подтвердить общую канву исторических событий. Это дает возможность доверять правдивости рассказам о социальных практиках, которые не фиксировались ни в каких официальных документах. Серьезной проблемой является репрезентация одиночных фактов на общий процесс исторического развития, соотношение единичного, частного и общего.

Ключевые слова: устная история, история повседневности, метод изучения истории, перепроверка сведений, социальные практики.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-649-655

В современной исторической науке сегодня идет процесс осмысления исследовательского потенциала различных новых подходов, которые стремительно ворвались в историческую мысль в период кризиса партийной идеологии конца XX в. Сейчас наступил период понимания, какие методические приемы являются наиболее востребованными и подтверждают свою жизнеспособность. К таким дискуссионным аспектам относится потенциал устной истории. Как отмечает Р.С. Черепанова: «новые исследовательские направления и возможности, открывшиеся для отечественных гуманитариев в конце восьмидесятых годов прошлого века и принятые поначалу с небывалым энтузиазмом, в последнее время вызывают все больший скепсис» [10, с. 148]. С другой стороны, устная история стала предметом осознания на уровне учебных пособий, что позволяет сказать об определенном признании данного направления. Здесь следует упомянуть учебное пособие д-ра ист. наук Т.К. Щегловой [11].

Как отмечает Н.Л. Пушкарева: «Когда письменных источников не хватало, историки поначалу не отказывались от записей устных рассказов». В начале XX века активно велись записи участников революции и Гражданской войны. Однако признание устной истории *равноправным и равноценным методом получения знаний о прошлом* и, по сути, самостоятельным исследовательским направлением было признано только в конце XX века [9, с. 169].

Официально устная (устная) история была признана в 1948 г., когда в Колумбийском университете (США), где был создан Исследовательский Центр по изучению устной истории во главе с Аланом Нэвинсом. В начале XX в. уже сложилось четкое понимание определения этой отрасли исторического знания: «Устная история использует рассказы очевидцев и их воспоминания о событиях, которые произошли в течение жизни человека, дающего интервью. Интервьюер должен сосредоточиться на персональных воспоминаниях, а не на слухе или народной традиции. Именно благодаря этой особенности устной истории мы можем видеть прошлое глазами рядовых участников исторического процесса» [1, с. 119].

Сегодня устная история рассматривается не просто как дополнение к документальному сбору данных, а как самостоятельное исследование реальности, которое альтернативно традиционным историческим студиям. Область проблематики, которую сейчас затронула устная история, весьма обширна. Это история городов, история быта, событийная история.

Современные отечественные ученые расходятся в понимании, какие виды информации следует относить к понятию «устная история». В частности Т.К. Щеглова отмечает, что одни авторы относят только саму аудио-видео запись, другие предпочитают работать с транскриптами – письменными вариантами устных свидетельств, признавая их также источниками [11, с. 40].

К размышлению о потенциале исследования истории повседневности через призму устной истории нас обращает книга, вышедшая в 2022 г. «Говорит Рязань. Истории. Радости. Детали: сборник воспоминаний рязанцев» [6]. В рамках Межрегионального фестиваля национальной книги «Читающий мир» «Книга года – 2022» эта книга получила специальный приз «Читательское признание» в номинации «Лучшая книга, способствующая развитию регионов России».

Данное издание – итог социального проекта, в котором принимали участие фотограф и журналист С.Н. Крючкова, продюсер М.С. Пилипенко, профессор РГУ им. Есенина, культуролог Александр Васильевич Соловьев, кандидат культурологии, зав. кафедрой социологии РГУ им. Есенина Елена Алексеевна Анисина, и доцент кафедры культурологии РГУ имени С. Есенина Роман Евгеньевич Маркин. Проект начался с художественной идеи С.Н. Крючковой запечатлеть в фотографии деревянные дома Рязани, а затем перешел в более широкий вариант: возникло желание не только сохранить образы самих домов, но собрать воспоминания жителей города Рязани, живших в этих домах. Для сбора историй были привлечены студенты социологи. Как отмечают сами авторы этой книги, «в ходе реализации проекта его участники – жители города Рязани – вспомнили много старого и узнали много нового, в первую очередь о себе и о своих соседях – в прошлом, настоящем и будущем». Информация собиралась в форме интервью: ход воспоминаний был задан примерными вопросами.

Книга была опубликована и, следовательно, ее можно отнести к транскриптам устных рассказов рязанцев о повседневном быте. Современное социальное пространство Рязани мозаично, оно формировалось постепенно, испытывая все сложности градостроительства старинного областного центра. Авторы книги предлагают пройти по наиболее древним улицам центра города, и не просто пройти, но и вникнуть в рассказы его жителей о себе, городе, их домах. Всего в книге собрано почти пятьдесят повествований рязанцев. Каждая история привязана к определенному адресу. На форзацах книги расложена карта, на которой обозначены адреса домов, и читатель может одновременно совершать виртуальную прогулку по улицам города, а возможно и в реальности прогуляться по указанным адресам.

Безусловная ценность данной книги состоит в том, что авторы проекта попытались ухватить уже уходящую Рязань: некоторых домов уже нет, а кое-какие уже сдают позиции под влиянием времени и коммерческой застройки. Об отдельных домах описание и фотографии сохранились только в этой книге. Увы, ушли уже и некоторые авторы мемуаров, что еще раз нам напоминает о важности своевременной фиксации свидетельства старшего поколения. Резерв устной истории не так уж велик – примерно 40–60 лет вглубь нашего прошлого.

Здесь мы можем прочитать историю жизни некоторых зданий: и дореволюционных и тех, которые возникли в середине XX в. Рассказы авторов раскрывают нам, как преображались старинные купеческие особняки, лавки и трактиры в коммунальные квартиры. Например, рассказ Людмилы Трыкиной повествует о превращении дореволюционного дома № 19 на ул. Соборной, в котором был трактир, в коммуналку со специфической планировкой: кухни в квартирах как таковой не было [6, с. 38]. Есть здесь истории и более современных домов, которые продолжают бытовать и сегодня.

Однако данная книга – это не история градостроительства города в узком смысле слова: вместе с историей дома, авторы вспоминали и свою жизнь, социальные практики, которые сложились во дворах их домов, некоторые бытовые подробности. Поэтому данное издание – интересный источник по истории повседневности. Именно устные рассказы позволяют нам узнать вещи, которые никоим образом не находили отражение в официальных документах. К таким относятся неофициальные топонимы города, которые складывались именно в контексте социально-культурной жизни города. Например, дома, построенные в 1974 г. на проезде Речников, в силу архитектурных деталей жители стали называть «дом под парусами» [Там же, с. 34]. Два рассказа связаны с функционированием двух вузов в Рязани: медицинского и сельскохозяйственного. Например, дом № 17 на улице Урицкого вошел в историю как «дом Солженицына», поскольку после постройки был выделен для преподавателей сельскохозяйственного института. Наталья Решетовская, первая жена Солженицына получила здесь жилье. А дом № 17 на Соборной площади строился для работников фабрики «Победа Октября», но был передан под нужды профессорско-преподавательского состава, только переведенного в Рязань медицинского института. И долгое время он в Рязани имел неофициальное название «дом профессоров».

Одновременно рассказы жителей города – это погружение в повседневность. Первый аспект этой повседневности – это исследование деталей быта. Например, Елена Анисина рассказывает, что ее бабушка и дедушка получили квартиру в конце 1950-х гг. в доме № 44 к. 1 на улице Лесопарковой, который был уже оснащен такими удобствами, как газ и вода. Е. Анисина очень показательно передает миропонимание этих элементов коммунальных удобств в то время – тогда они казались роскошью: «С водой и газом! Правда, вода только холодная, ванны, естественно, нет, зато с туалетом не на улице, а в “тепле”» [6, с. 93].

Второй аспект – это социальные практики. Безусловно, многие рассказчики вспоминают здесь свою жизнь и детство. Например, повествование Р.Е. Маркина не только сообщает о детских летних забавах детворы в середине 1970-х гг.: купанье, долгие заплывы, игры в волейбол на площадках, но и тот факт, что местом притяжения подростков всей округи был районный «Опорный пункт охраны правопорядка». И оказывались там не нарушители, как это может показаться на первый взгляд, а все, кто хотел приятно и полезно провести время: в помещении был оборудован спортзал, читальный зал, и зал для пинг-понга. Вот такое необычное исполнение функций социального института.

Особенно интересны рассказы про детские социальные практики, которые никак не регламентируются, а являются порождением специфики культурного и географического ландшафта. Например, в рассказе Р.Е. Маркина фигурирует такое действие, как «уйти в заплыв». И это не просто длительный заплыв на реке, к нему тщательно готовились, копили денежки, причем рубль должен быть обязательно железным. Именно этот рубль прятался в плавках, и именно на эти рубли участники заплыва в середине дня покупали кучу сладостей. То есть весь смысл состоял не просто купить лакомства и устроить пикник на природе, а именно после длительного заплыва на острова. Другой рассказчик А.И. Соловьев повествует о том, как под влиянием чтения художественных книг детей обуяла страсть к кладоискательству. В итоге в поиске клада была перерыта весь двор дома на ул. Либкнехта.

А рассказ Н.С. Анциперовой уводит нас еще в одну подробность повседневной жизни – это уровень доходов населения: «Мы не были избалованными, у нас не стояли конфеты или печенья коробками или пакетами. И мороженое мне и моей сестре бабушка покупала фруктовое за пять копеек только тогда, когда получала пенсию, очень редко» [Там же, с. 85].

Устная история способна зафиксировать и ментальные рефлексии уходящего поколения, их миропонимание. Многие авторы склонны идеализировать свое прошлое: «Несмотря на то, что люди были разного социального положения, и, вероятно имели различные зарплаты, внешнего различия такого не наблюдалось. А самое главное с точки зрения общения. Все дети вместе играли, общались, развивались» [Там же, с. 85].

Существенной проблемой в данном вопросе является вопрос достоверности такого источника. Важный вопрос историка, насколько мы можем доверять рассказанному, насколько правдива информация?

Здесь применимо такое понятие, как критика источника. Представляется, что к устной истории следует относиться как к мемуарам – понимая, что данный источник содержит субъективную информацию, он «страдает склерозом». Как отмечает автор учебного пособия «Устная история» Т.К. Щеглова: «Отличительным признаком устного исторического источника является индивидуальность и субъективность информации, отражающий жизненный опыт конкретного человека как участника исторического процесса, его личные оценки и представления» [11, с. 38].

Многие рассказчики склонны идеализировать свое детство, когда небо было голубее, трава зеленее, а вода мокрее. Какие-то факты можно проверить объективными данными: документами делопроизводства. Обратившись к документам исполкома города Рязани, можно почерпнуть некоторые сведения о развитии коммунального хозяйства, застройке города. Например, можно совершенно точно утверждать, что топоним «дом профессоров» на Советской (Соборной) площади – настолько устойчивое понятие, что даже вошел в официальную переписку. В письме директор медицинского института Е.Н. Ковалев председателю Рязанского горисполкома Н.М. Брусничкину 14 мая 1952 г. просил проложить асфальт к некоторым помещениям вновь открытого института и в том числе, и к «дому профессоров» на Советской площади [2. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 62. Л. 7].

Конечно, такое точное совпадение двух документов – редкое везение исследователя. Однако историк может допустить достоверность описываемых событий, если подтверждается общий фон или близкие к нему факты. Например, к рассказу Е. Анисиной о доме № 44 к. 1 на ул. Лесопарковой, в котором уже к концу 1950-х гг. был газ, можно добавить, что газификация города началась в 1954 г.

На 1 июля 1954 г. уложено газовых сетей высокого давления 708 п. метров, сетей низкого давления 4428 п. метров [5. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 189. Л. 108]. К концу 1950-х гг. этот процесс уже мог дойти до Лесопарковой улицы.

Рассмотрим другой пример. Свидетельство Виктора Грушко-Новицкого, посвященное дому № 28 по ул. Свободы, говорит о том, что коммунальные удобства даже в центре города приходили к горожанам очень медленно. Сам В. Грушко-Новицкий жил в этом доме с даты своего рождения – с 1965 г., и «удобств» в доме не было: «в домах не было ни воды, ни канализации, “удобства” во дворе. Все это в центре Рязани» [6, с. 48]. Они появились в домах только в 1970-е гг. Документы же делопроизводства горисполкома свидетельствуют, что в середине XX в. нечистоты из города вывозились гужевым транспортом в бочках. В 1954 г. в городе были 22 лошади, которые перевозили ассенизаторские бочки [4. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 188. Л. 30]. И в перечне обслуживания этими бочками указаны дома № 34 по ул. Свободы, где находился детский сад. А жители частных жилых помещений были обязаны самостоятельно организовать такое обслуживание своих отхожих мест. Выше уже говорилось о «доме профессоров» на площади Советской, который уже был подключен ко всем коммунальным службам города. В то же время дом № 10 на Советской площади, т. е. совсем рядом, так же указан в сводном наряде по вывозу жидких нечистот [4. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 188. Л. 30об]. Таким образом, можно говорить не только о мозаичности социального пространства города Рязани, но и то, что центр города перестраивался точечно, не целыми улицами, а отдельными домами.

Ну и еще один пример. В рассказе о «Доме Солженицына» упоминается методика строительства этого дома: «Говорят, что зеки его строили. Где-то на зоне его собрали, потом разобрали, погрузили его в вагон, привезли и поставили». Опять же документы горисполкома свидетельствуют, что в начале 1950-х гг. для того, чтобы обустроить мастерские для сельскохозяйственного института, необходимо было освободить от квартир подвалы корпуса института на ул. Ленина, д. 37. Было решено для размещения творческих работников Рязанского областного хора русской песни построить 6 двухквартирных деревянных сборных домиков. Таким образом, тактика строительства сборных деревянных домов в городе практиковалась [2. Р-6. Оп. 2. Д. 62. Л. 42].

С другой стороны, в этих устных повествованиях есть факты, которые не проверить никакими документальными свидетельствами. Например, как поверить в правдивость рассказов о детских увлечениях и развлечениях? Как быть с этим материалом? Еще одну проблему определяет Р.С. Черепанова: «Анализировать рассказы, собранные в рамках устной истории, чрезвычайно трудно. Исследователю угрожают здесь две очевидные сложности: выйти на такой уровень обобщений, который оставляет далеко позади конкретного человека и его уникальный рассказ (т. е. уйти от самой сущности *oral history*), либо скатиться до уровня пересказа индивидуальных историй в той степени подробности, которая заведомо делает невозможным всякое широкое обобщение» [10, с. 149].

Н.Л. Пушкарева, оценивая перспективы и источниковый потенциал устной истории, весьма обоснованно задается вопросом: «Сложность – в балансе описательности и проблематизации. Как формализовывать полученную информацию? Как систематизировать и проблематизировать ее? Зачем историку эта сумма казусов и уникальных жизней? Как их вписать в макроконтекст? На каком этапе остановиться и прекратить сбор записей, считая полученный материал необходимым и достаточным для достоверных выводов?» Она предлагает искать ответы у этнографов: «Любой элемент повседневной культуры достоин исследовательского внимания, если он встречается неоднократно (не менее трех раз) в условиях полевых наблюдений или у разных информантов» [9, с. 175]. Анализ текста этой книги как раз позволяет выявить некоторые детали, которые повторяются из рассказа в рассказ – это репрезентация детства. Здесь есть и психологический аспект – прошлое вспоминается как самый теплый период жизни. И фактическая сторона – описание досуговых практик детей: самостоятельные спектакли, совместные походы, посиделки во дворе. Конечно, мы не можем быть до конца уверены в правдивости описания деталей тех или иных событий, однако мы совершенно точно можем сделать вывод, что уровень коммуникации между детьми был очень высокий, детские игры организовались во многом самостоятельно. При этом оказывали влияние и условия провинциальной жизни: в силу ограниченных культурных мероприятий были высоким творческий потенциал самостоятельных детских развлечений. Например, ребята сами устраивали для себя спектакли, концерты. Повествование о таких развлечениях встречается в рассказах о послевоенном детстве жителей улиц Радищева, д. 45, Урицкого, д. 17. Например, Н.С. Анциперова рассказывает о спектакле Золушка, которую ставили дети.

Также практически уже традиционным для многих детских воспоминаний является рассказ об употреблении в качестве жевательной резинки смолы деревьев. Различным было и участие взрослых в детских забавах: в какие-то родители не посвящались, особенно долгие отлучки и походы, а в другие развлечения родители были вхожи (они были зрителями на спектаклях, и даже разрешали использовать некоторые домашние вещи в качестве гардероба).

Представляется, что большое разнообразие свидетельств и жизненных казусах имеет очень важный потенциал: позволяет выявить сложность и многогранность протекания социальных процессов. Например, исследователи Узбекского национального университета им. Мирзо Улугбека в устной истории видят большой потенциал в социологическом исследовании малых городов Узбекистана. По их мнению, именно устная история позволяет избежать достаточно распространенной ошибки: экстраполяции столичных особенностей на все пространство страны [7, с. 222].

Словесный оборот «Москва – не вся Россия» сегодня получил довольно устойчивое выражение. И можно с уверенностью сказать, что он применим к различным сторонам социальной действительности: как и в современном аспекте, так и к анализу исторического прошлого.

Понимание мозаичности социального пространства и бытовых практик очень важно для современной социальной памяти. Сегодня во многих дискуссиях в социальных сетях о прошлом СССР в середине XX в. присутствует яркая практика противопоставления негативного и позитивного. При этом некоторые социальные действия рассматриваются как обязательно существовавшие и доступные для всех граждан бывшего СССР. Например, про обеспеченность жильем один из участников дискуссий социальной сети ВКонтакте утверждает: «Каждое предприятие строило жилые дома, для своих рабочих. Получали все по очереди» [8].

А между тем мозаичной ситуация была даже в рамках столичных городов. Например, в Ленинграде одни получали ключи от квартир в новых домах, а кто-то продолжал жить в подвалах домов без перспектив улучшения. Например, одна из жительниц дома на проспекте Обуховской обороны жаловалась председателю райисполкома в 1956 г.: «Проживаю я в Ленинграде с 1930 г. Из этих 20 лет я живу 20 лет в подвале. Сначала была комната 10 метров в этом же подвале, но после войны над нами сжалились, да и учли, вероятно, то, что мой муж сражался за Родину, но и я не сидела сложа руки. Поэтому нам дали побольше. В те годы правда это не было обидным, так как много людей и этого не имели. Но и сейчас, когда после войны прошло 11 лет, такое большое строительство, обидно проживать в обществе крыс и мышей. Еще более становится обидным, когда видишь, люди недавно приехали недавно в Ленинград и получили прекрасные комнаты» [3. Ф. 2. Оп. 7. Д. 290. Л. 61].

Однако очень показательным, что многие авторы воспоминаний, представленных в книге, рисуя сложные бытовые условия, все равно очень тепло отзываются о своем детстве. Отсюда очень важный психологический аспект, который необходимо учитывать при работе с устными свидетельствами: прошлое всегда вспоминается с ноткой ностальгии. Поэтому исследователь должен сохранять беспристрастность понимания исторического материала.

Таким образом, следует подвести итоги. Собранные и опубликованные устные свидетельства о повседневной жизни Рязани стали достоянием большого количества читателя. Содержательная сторона текста раскрывает различные аспекты, прежде всего, повседневной жизни, вписанной в аспекты социальной истории. Эта история содержит множество деталей повседневного быта, которые не фиксируются официальными документами делопроизводства: детские социальные практики, условия жизни, трансформация градостроительства. Серьезной проблемой является проверка достоверности получаемых сведений. Представляется, что в данном случае рецепт решения вопроса здесь такой же, как и в отношении к мемуарам. Привлечение документов делопроизводства и официальных данных позволяет выявить общий исторический фон проверяемых сведений. Это разрешает доверять и тому пласту сведений, который проверке не подлежит. И еще один важный аспект – именно устная история через фильтр индивидуального демонстрирует мозаичность социальных процессов как относительно призмы «столица-провинция», так и в качестве отдельного социального образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутько В.Н. Устная история: преимущества и недостатки // Наука и современность. 2010. № 1–1. С. 118–123.
2. Государственный архив Рязанской области (ГА РО). Ф. Р-6. Исполнительный комитет Рязанского городского Совета народных депутатов, г. Рязань, Рязанской области. Оп. 2. Д. 62.

3. Государственный архив Санкт-Петербурга, Ф. 2 Невский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург. 1917–1993. Оп. 7. Д. 290.
4. ГА РО. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 188.
5. ГА РО. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 189.
6. Говорит Рязань: истории, радости, детали: сборник воспоминаний рязанцев / сост., [авт. идеи]: С.Н. Крючкова, М.С. Пилипенко; ред.: Е.А. Анисина. Рязань; Москва, 2022. 123 с.
7. Каланов К.К., Сабирова У.Ф. Социологический анализ малых городов Узбекистана через призму «устной истории» // Иностранные языки в Узбекистане. 2018. № 1 (20). С. 262–267.
8. Новости (vk.com) (дата обращения: 16.12.2022)
9. Пушкарева Н.Л. Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 168–176.
10. Черепанова Р.С. «Маленький человек» в «большой истории»: опыт интерпретации устных биографических рассказов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 4 (142). С. 148–157.
11. Щеглова Т.К. Устная история. Барнаул, 2010.

Поступила в редакцию 05.01.2023

Попова Ольга Дмитриевна, доктор исторических наук,
заведующая кафедрой истории России, историографии и источниковедения,
профессор кафедры социологии
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, 46
E-mail: od-popova@mail.ru

O.D. Popova

**HISTORY OF EVERYDAY LIFE THROUGH THE PRISM OF ORAL HISTORY:
PROBLEMS AND OPPORTUNITIES (MUSING ON A BOOK)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-649-655

The article focuses on the possibility of using oral history to investigate everyday life. The author uses a book of memoirs collected by Ryazan researchers. The memoirs belong to people who used to live in the historical centre of Ryazan. The article shows that oral memoirs are chronologically limited, their time span cannot exceed that of 40-60 years. However, oral memoirs are a valuable source of information, for it enables a researcher to collect information that cannot be found in formal documents. The analysis of the collected memoirs enables the author of the article to single out several major topics that are traditionally covered in such texts: everyday life, social practices, childhood. The article discusses problems associated with the analysis of collected data, with its verification. The author shows that in order to verify the information contained in oral memoirs, a researcher can analyze some official documents, such as Council records. Such analysis enables a researcher to verify tales about social practices that were not described in official documents. The representation of single facts in the general process of historical development is a challenge for a historian.

Keywords: oral history, history of everyday life, method of studying history, rechecking information, social practices.

REFERENCES

1. *But'ko V.N.* Ustnaya istoriya: preimushchestva i nedostatki [Oral history: advantages and disadvantages]. *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity], 2010, no. 1–1, pp. 118–123. (In Russian).
2. Gosudarstvennyj arhiv Ryazanskoj oblasti [The State Archive of the Ryazan region]. Fund P-6. Ispolnitel'nyj komitet Ryazanskogo gorodskogo Soveta narodnyh deputatov, g. Ryazan', Ryazanskoj oblasti [Executive Committee of the Ryazan City Council of People's Deputies]. Op. 2. D. 62. (in Russian, unpublished).
3. Gosudarstvennyj arhiv St. Petersburga [The State Archive of the St. Petersburg]. Fund 2. Nevskij rajonnyj sovet narodnyh deputatov Sankt-Peterburga. Sankt-Peterburg. 1917–1993 [Nevsky District Council of People's Deputies of St. Petersburg. St. Petersburg. 1917–1993]. Op. 7. D. 290. (in Russian, unpublished).
4. Gosudarstvennyj arhiv Ryazanskoj oblasti [The State Archive of the Ryazan region]. Fund P-6. Op. 2. D. 188 (in Russian, unpublished).
5. Gosudarstvennyj arhiv Ryazanskoj oblasti [The State Archive of the Ryazan region]. Fund P-6. Op. 2. D. 189 (in Russian, unpublished).

6. Govorit Ryazan': istorii, radosti, detali: sbornik vospominanij ryazancev [Ryazan speaks: stories, joys, details: a collection of memories of Ryazan residents] / sost. [avt. idei]: S.N. Kryuchkova, M.S. Pilipenko; red.: E.A. Anisina. Ryazan'; Moscow, 2022, 123 p. (In Russian).
7. Kalanov K.K., Sabirova U.F. Sociologicheskij analiz malyh gorodov Uzbekistana cherez prizmu «ustnoj istorii» [Sociological analysis of small towns of Uzbekistan through the prism of “oral history”]. Inostrannye yazyki v Uzbekistane [Foreign languages in Uzbekistan], 2018, no. 1 (20), pp. 262–267. (In Russian).
8. Novosti [News] (vk.com) (date of the application 16.12.2022). (In Russian).
9. Pushkareva N.L. Ustnaya istoriya i gendernaya istoriya: sbliozhenie i perspektivy razvitiya [Oral history and gender history: convergence and development prospects]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity], 2012, no. 1, pp. 168–176. (In Russian).
10. Cherepanova R.S. “Malen'kij chelovek” v “bol'shoj istorii”: opyt interpretacii ustnyh biograficheskikh rasskazov [The “little Man” in the “big Story”: the experience of interpreting oral biographical stories]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 4 (142), pp. 148–157. (In Russian).
11. Shcheglova T.K. Ustnaya istoriya [Oral history]. Barnaul, 2010. (In Russian).

Received 05.01.2023

Popova O.D., Doctor of History, Professor of the Department of History, Historiography and Source Studies
Ryazan State University named for S.A. Yesenin
Svobody st., 46, Ryazan, Russia, 390000
E-mail: od-popova@mail.ru